

УДК 944.04.1

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ВЫЗОВЫ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЖАКЕРИИ ВО ФРАНЦИИ И ОТВЕТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Взятие Бастилии 14 июля 1789г. вызвало множество восстаний и выступлений по всей Франции, наиболее масштабным из которых явилась первая крестьянская «жакерия» революционной поры. Война с деревенской Францией, жители которой составляли две трети населения всей страны, была бесперспективной для революционных властей. Сама «жакерия» и сопутствовавшая ей неуплата сеньориальных цензов и оброков, церковной десятины и государственных налогов угрожали экономическим коллапсом. Столкнувшись с проблемой такой сложности, Ассамблея смогла найти выход. Она решилась на реформы, отменившие часть сеньориальных прав и церковную десятину. Одновременно революционеры упразднили сословный строй и обеспечили гражданское равенство. В длительной исторической перспективе это стало впечатляющим началом формирования во Франции либеральной демократии.

Ключевые слова: Учредительное собрание, крестьянское восстание, сеньориальный режим, церковная десятина, сословный строй.

DOI: 10.22281/2413-9912-2020-04-04-20-30

Взятие Бастилии дало толчок для восстаний и выступлений по всей Франции. В городах и бургах развернулась «муниципальная революция», приведшая к установлению на местах новой власти. Массовой базой движения являлся городской мелкий люд. Его выступления мотивировались двумя началами: революционными настроениями и голодом. То были бескорыстные и политизированные санкюлоты-революционеры, боровшиеся против реакции, угрожавшие умеренным, поддерживавшим реформаторское большинство Собрания.

В отличие от них крестьян заботило не торжество революции, а насущные материальные интересы (1, с.95). К концу Старого порядка французская деревня осознала несправедливость сеньориального режима, а в наказах Генеральным штатам изложила конкретные претензии. В «жалобах» ставился вопрос о безвозмездной

ликвидации прерогатив сеньора, вытекавших из сословного неравноправия и личной зависимости держателей. Остальные тяготы селяне соглашались выкупить, следуя правовым идеям времени, выведшим их из первоначальной уступки земли господами. Избирательная кампания и первые шаги Ассамблеи породили у крестьян «великую надежду». Но за несколько месяцев дело не сдвинулось с мертвой точки. Между тем, события середины июля свидетельствовали об «обрушении всех сил общественного порядка» (16, р.9). Образовавшийся вакуум власти не предполагал, казалось, суровых карательных мер за преступления против личности и собственности. Это подтолкнуло крестьян к масштабному восстанию, получившему в литературе название «жакерии», напоминавшее о грозных событиях XIV в. В ходе восстания, продолжившегося с 20-х чисел июля до конца первой декады августа, выступавшие уверяли самих себя и

других в расположенности к их устремлениям Собраниа и короля. Вожаки фабриковали ложные декреты и возвания правящих кругов, якобы одобрявших «экспедиции» деревень против сеньорий.

Наряду с «великой надеждой» в душах земледельцев поселился и «Великий страх», вызванный к жизни тревожной обстановкой и подпитываемый исторической памятью о разбойниках прошлого. Тысячи нищих, бродивших по дорогам и промышлявших воровством, готовых собрать даже незрелое зерно, пугали их. За спинами голодных людей усматривали заговор привилегированных, а начавшаяся эмиграция порождала слухи о «походе» против Франции брата короля графа

д' Артуа во главе армии преступников, нанятых в разных странах (11, р.157, 187). Паники «Великого страха» усиливали агрессию крестьян в отношении своих обидчиков и их имуществ.

«Жакерия» распадалась на множество разрозненных, но синхронных восстаний, происходивших по схожему сценарию. Главной целью восставших было уничтожение описей повинностей - терье, что лишало сеньоров доказательства правомерности их требований. Одновременно при «посещениях» домов и замков, церковных учреждений крестьяне настаивали на возврате общинных земель, уменьшении или даже упразднении десятин, возмещении трат за проигранные судебные процессы. Нередко участники «акций» предавались безобразиям и воровству: ломали мебель и утварь, стремительно опустошали винные погреба хозяев, присваивали приглянувшиеся вещи (1, с.114).

Летняя «жакерия» 1789 г. охватила

в основном территорию восточной Франции. Причин тому было немало. В тамошних провинциях сохранялись пережитки крепостничества. Во Франш-Конте и Бургундии встречалось право «мертвой руки» (мэнморта), ограничивавшее возможности передачи крестьянского участка и имуществ по наследству (2, с.142; 4, с.56). В Эльзасе продолжали требовать сеньориальную барщину. В отдельных областях повинности забирали до четверти урожая держателей. «Сеньориальная реакция» приводила к более строгому взиманию натуральных оброков и денежных платежей, к захватам общинных угодий, к покушениям на коллективные права пользования.

В большинстве провинций востока действовало правило: «нет сеньора без законного титула» и, чтобы избавиться от повинностей, крестьяне пытались уничтожить документ, куда были занесены их обязательства. Но для этого приходилось применять насилие или хотя бы угрозы, что вело к жесткому варианту антисеньориальной борьбы с разгромом и сожжением замков. На крайнем же севере, в областях Эно и Камбрези работала иная формула: «нет земли без сеньора» и, пусть там тоже существовал «суровый феодализм» с личными повинностями и барщиной, от господина требовали лишь формального отречения от своих прав. Отсутствие здесь паник «Великого страха» также понижало градус напряженности. В результате до крайностей доходило редко.

Другое дело - очаг «жакерии» на западе Франции - в Нормандском бокаже (области) и Нижнем Мэне. Неуступчивость усиливалась в регионе «Великим страхом». Нападения на

замки сочетались с поношением господ. Но убийства сеньоров были редкостью по стране. Побоям подвергались агенты сеньории: управляющие, откупщики повинностей. Насилие против личности не было определяющим в действиях восставших; урон сеньоров носил материальный и моральный характер.

Реакция Собрания на случившееся не была быстрой. Депутаты пытались

учесть разные факторы. Новости о восстании приходили с опозданием. Полемика началась лишь 3 августа, что объяснялось и совсем недавним (28 июля) созданием Комитета докладов, которому поручили предварительно разобраться с проблемой.

Весомые доводы побуждали Ассамблею высказаться за подавление «жакерии», ведь она была масштабным покушением на право собственности и безопасность личности. Восставшие отказывались также платить налоги, усугубляя без того тяжелейшее финансовое положение страны. Но и силовой вариант требовал определенной законодательной базы. Еще 20 июля «умеренный» Лалли-Толлендаль сформулировал текст воззвания, грозившего бунтовщикам задержанием и передачей в руки правосудия (7, р.252;15,р.39), однако Собрание ограничилось приглашением «всех французов к миру, к поддержанию порядка и общественного спокойствия» (7,р.267). Репрессии требовали полицейской силы, но формирование национальной гвардии не везде завершилось, а ее возможности не были апробированы. Провозгласив курс на подавление «жакерии», французский парламент сильно повредил бы соб-

ственному образу и сделался бы похожим на своего антипода - деспотизм.

Главное, что отвращало от жесткого курса в отношении восставших, - преобладание крестьянства в населении Франции, конфронтация с ним была бесперспективной для революционных властей. К тому же деревенские массы являлись естественным союзником последних в борьбе за гражданское равенство. Восстание селян против привилегированных облегчало ликвидацию сословных границ во французском обществе после их упразднения в Ассамблее. С другой стороны, антисеньориальные устремления крестьян встречали понимание, а, порой, и одобрение формировавшегося в недрах Конституанты левого большинства. Однако выступления сельской Франции, обстановка анархии и экономического кризиса в стране привычно склоняли к политике усмирения. Именно в таком духе началась 3 августа дискуссия о крестьянских волнениях. От Комитета докладов выступил его член Саломон. На основе полученных из разных концов Франции писем он нарисовал безрадостную картину. Представляется, заявлял докладчик, что «собственность, какой бы она ни была по природе, стала жертвой самого преступного разбоя... Замки - сожжены, монастыри - разрушены, фермы - покинуты на расхищение». Сеньориальные платежи и налоги не вносятся, «законы лишены силы, магистраты - власти, правосудие - только призрак, который бесполезно искать в судах» (7, р.336). Вывод выступавшего: не может быть принято никакое объяснение отказа от своих обязательств перед сеньором и государством. Но судебных санкций в отношении неплательщиков, а тем более силовых мер к восставшим он не

предлагал.

Речь вызвала разные суждения. Представитель третьего сословия Му-жен де Рокфор призвал принять проект Комитета. Некий депутат от дворян посчитал, что к декларации «с приглашением народа к миру», надо добавить еще одну, дабы запустить в действие старые законы. Решительней высказался неназванный консерватор. Ссылаясь на драматизм экономической ситуации, он потребовал прекратить «войну бедных против богатых» (sic!) и наказывать неплательщиков налогов на основе соответствующих ордонансов. А «всех тех, кто покушается на свободу и собственность индивида», должен преследовать королевский прокурор, опирающийся на местные судебные органы (7, р.336-337). Этот суровый план не был принят, а предложение Комитета докладов передали в Редакционный комитет для выработки окончательного варианта.

От его имени подготовленный текст зачитал выдающийся юрист Г.-Ж.-Б. Тарже. В документе подчеркивалось, что платежи сеньорам должны вноситься, как прежде, пока Ассамблея не внесет изменений. То же касалось и налогов, которые могут лишь в будущем стать другими – менее обременительными. Но в проекте ничего не говорилось, ни о применении силы против крестьянских выступлений, ни о судебном преследовании восставших, неплательщиков и должников (7, р.343). Многие отнеслись к предложениям Комитетов настороженно и даже враждебно. Одни считали письма с мест малоказательным источником, другие сетовали на несоблюдение регламента, третьи оспаривали содержание планируемого постановления и саму его необходимость. Назвав феодальные

права несправедливыми, необозначенный депутат предположил, что одно только упоминание о них может усилить крестьянские волнения.

На деле обе позиции мало отличались друг от друга. Декларация Комитетов вызвала бы дальнейшее раздражение и, возможно, распространение «жакерии» на другие регионы Франции. Платформа несогласных, пусть и сочувствовавшая селянам, не предлагала им реального облегчения. Ситуация, казалось, зашла в тупик. Новый парламент впервые встретился с социальной проблемой такого масштаба. Простые решения здесь не подходили, а большинство законодателей – люди городские – не были искушены в аграрной сфере. Многим дворянам эти вопросы давались легче, а зарево горящих замков заставляло мысль работать быстрее и продуктивнее. Реформирование сеньориальных отношений не могло исходить от ретроградов и оно стало инициативой либеральной знати.

Два ее представителя – молодые виконт де Ноай и герцог д'Эгийон разобрались в причинах «жакерии» и отыскали путь восстановления общественного спокойствия. Виконт предложил план из 4 пунктов. Первые два – предусматривали равенство граждан в фискальной сфере и уплату налогов пропорционально доходам, третий пункт касался выкупа сеньориальных прав, а последний – отмену тех из них, что вытекали из личной зависимости крестьян. Политичная речь д'Эгийона преувеличивала жертвы дворянства: «Они уже отказались от своих привилегий и налоговых изъятий; ясно, что... нельзя от них требовать безоговорочного отказа от... феодальных прав» (3.Т.2, с.11). Герцог поставил вопрос о необходимости компенсации. Размеры выкупа

соответствовали пожеланиям сеньоров и должны были в 30 раз превышать сумму ежегодных доходов от повинностей. Лично инициаторы всего этого мало что теряли. Ноай именовался в шутку Жаном Безземельным, то есть взять у него было нечего. А д'Эгийон, напротив, один из богатейших дворян Собрания (17, р.36) составил себе состояние, в основном, за счет владений в Сан-Доминго.

Оба депутата, как и Тарже, выступили на вечернем заседании 4 августа. Можно ли считать их речи неким озарением, передавшим особую энергетику остальным законодателям? Похоже, что события, оказались, отчасти, спланированными. Накануне вечером Бретонский клуб, предварявший у себя тематику грядущих заседаний Ассамблеи, занялся обсуждением вопроса. Алгоритм будущих действий облегчался тем, что бретонский лидер Ле Шапелье стал с 3 августа председателем Учредительного собрания. Возможно, в Клубе окончательно созрела мысль о выступлении депутата от третьего сословия из Нижней Бретани, скромного торговца полотном и вином Легана де Керангаля.

Отталкиваясь от Декларации прав человека и гражданина, над проектами которой уже работали законодатели, оратор противопоставлял ей сеньориальный режим, заставлявший человека впрягаться в повозку, словно рабочий скот. Солидаризуясь с восставшими, он просил парламентариев устроить «искупительный костер» из феодальных грамот. Но смелые призывы сочетались у него с умеренными планами выкупа повинностей и баналитетов по выгодной для сеньоров цене, схожей с предложенной Эгийоном (7, р.345).

Гневные филиппики в адрес феодализма вкупе с осторожными конкретными соображениями успокоили и ободрили депутатов, стимулировали отречения от разных прав. Двое из них настояли на упразднении сеньориальной юстиции. Епископ Шартра де Люберзак увидел в исключительном праве охоты «бич для разоренных деревень», потребовал его отмены и сам подал пример. Кто-то призвал отказаться от мэнморта во Франш-Конте, Бургундии и других местах, где он еще существовал. Архиепископ Экса Буажелен говорил о неприемлемости феодальных элементов в договорах сеньора с крестьянином. Но бедность заставляла последнего соглашаться с подобными пунктами. Следовало заранее аннулировать условия в документах, способные привести к возрождению феодализма (7, р.346).

Несколько депутатов-священников обратились к Собранию с просьбой разрешить им пожертвовать своими случайными правами. В ответ представитель дворянства предложил дать им компенсацию в виде увеличения «скромной доли», то есть жалованья кюре. Епископ Нанси Ла Фар хотел распространить практику выкупа повинностей у светских сеньоров на церковную десятину. То был ловкий маневр с целью спасти богатства церкви. В свете новых юридических представлений положение сеньориальной и церковной собственности не являлось одинаковым. Первая ассимилировалась с индивидуальной частной собственностью, а основные повинности и платежи цензитариев приравнивались к обычной арендной плате. Вторая была корпоративной, а корпорации рассматривались революционерами

негативно как учреждения феодального прошлого, обреченные на исчезновение вместе со своей собственностью. Церковные владения имели особое предназначение; доходы с них следовало во многом направлять на поддержку неимущих и малоимущих. Это тоже учел Ла Фар, заметивший, что из предполагаемого выкупа «могла быть извлечена польза и для бедных» (3.Т.2, с.12).

«Жакерия» сфокусировала внимание депутатов на сеньориальных повинностях и десятине. Но изначально третье сословие и революционные круги стремились покончить с сословными привилегиями (9,р.131). Сломав перегородки между духовенством, дворянством и разночинцами в самой Ассамблее, следовало логикой вещей перенести новый порядок на все французское общество. Утверждение гражданского равенства было тем более необходимо, что улучшило бы самочувствие крестьянской массы и содействовало бы прекращению волнений и анархии в стране. В ходе заседания виконт Богарне потребовал равенства наказаний «для граждан всех классов и их доступа ко всем церковным, гражданским и военным должностям» (7, р.346).

Расставание с привилегиями продолжили различные территориальные единицы страны. Определенными преимуществами, во многом фискальными, пользовались недавно, по историческим меркам, присоединенные к Франции провинции. То были области со штатами, сохранившие особый статус. В момент предреволюционного кризиса, пользуясь ослаблением государственной власти, они даже попытались увеличить свою самостоятельность, что нашло отражение в отдель-

ных наказах (6, с.45-48). Партикуляризму провинций противилась централизаторская тенденция, подпитанная идеей Нации, распространенной в предвыборной публицистике 1789г. (5, с.62-63;18). Превращение Генеральных штатов в единое Национальное собрание усилило эту линию.

В обстановке подъема законодатели решились на отказ от местных привилегий ради укрепления Франции, а заодно и собственного имиджа. Отречение от особых прав первыми провозгласили депутаты от Дофине, а их почин быстро подхватили бретонцы во главе с Ле Шапелье. Тот объявил, что наставший после периода ожиданий и надежд «день счастья и безопасности, позволил растворить древние права и мечты Бретани в еще более прочных и священных правах, которые... Ассамблея обеспечивает в данный момент всей французской империи». Эстафета «жертв» перешла к Провансу, затем к Бургундии и Лангедоку (7, р.347). К концу обсуждения, перешедшего за полночь, в зале наступила эйфория. Парламентарии обнимались и плакали от счастья. Яркое и плодотворное заседание, сплотившее, пусть и на короткое время, едва ли не весь депутатский корпус, получило название «ночи чудес».

На следующий день наступило некоторое «отрезвление», а отдельные законодатели даже заговорили об «ограблении». Другие оказались более прозорливыми. Крайне правый маркиз де Феррьер объяснял в письме своим избирателям, что в момент мятежа «было бы бесполезно и даже опасно противиться всеобщей воле нации» (3.т.2, с.171-172).

Предложения «ночи чудес» систематизировали и зачитали на заседании 5 августа. В статьях с 3-ей по 6-ую

уничтожались исключительные права сеньоров на содержание голубяток и кроличьих садков, охоту и рыбную ловлю, а также упразднялась сеньориальная юстиция. Особое значение имели две первые статьи. В соответствии с одной - безвозмездно отменялись мэнморты, барщины и другие, связанные с пережитками феодализма права. По другой - предусматривалась возможность выкупа денежных цензов и натуральных оброков. Но перечень выкупаемого открывали баналитеты, то есть монополии сеньоров на владение мельницами, печами, виноградными прессами, бойнями, кузницами. Однако эти привилегии подчеркивали неравноправное положение крестьян, а значит, по юридической логике того времени, должны были уничтожаться без компенсации, что не планировалось. Одна статья касалась десятины: все они обращались в денежную форму и могли выкупаться.

Декрет начинался с преамбулы из трех пунктов, формулировавших задачи перемен. В первом говорилось, что в свободном государстве собственность свободна так же, как и люди. Она избавлялась от феодальных черт, а сеньориальный режим был поколеблен. Во втором пункте подчеркивалось равенство прав и обязанностей французов. В третьем - прокламировался отказ различных территорий от прежних преимуществ, что являлось важным шагом в деле единения Нации (7, р.352). По решению депутатов дальше допускалась правка только формы проекта, но не его содержания.

Наиболее острая полемика развернулась из-за церковной десятины. Здесь духовные лица допустили «фальстарт»: выступили еще до обсуждения

соответствующей статьи декрета и обозлили оппонентов обструкционистской позицией по поводу решений «ночи чудес». Уже 6 августа один депутат – кюре стал грозить законодателям королевской санкцией, другой - квалифицировал «жертвы», принесенные от имени сословий, недействительными, третий - призвал советоваться с избирателями (7, р.353-354). Выведенный из себя, представитель формировавшейся в Собрании «крайне левой» (13, р.134-135) Бюзо попенял духовенству за неспособность даже изобразить готовность к уступкам и заявил, что «церковные имущества принадлежат нации» (3.т.1, с.376).

Второй раз эта формула возникла в связи с обсуждением вопроса о 30-ти миллионном займе, предложенном Неккером (8, р.341). 8 августа в Собрании выступили маркиз Лакост и шевалье А.Ламет. Первый сетовал на огромный долг и обремененность народа налогами. Выход из положения намечался за счет десятины и церковных земель. «Пусть все имущества, называемые церковными, какого бы характера они ни были, принадлежат нации». А, начиная с 1790г., отменялись десятины. Ламет поддержал мнение коллеги: у индивидов есть священные права, независимые от общества, а корпорации существуют только благодаря ему. Оно может упразднить эти институты, а их средства направить на общее благо. Депутат потребовал использовать церковные имущества в качестве залога для кредиторов государства (7, р.370-371).

Только 10 августа законодатели добрались до поправок в статью о десятинах. Против отмены десятины первоначально выступили почти все ораторы от первого сословия, причем

прежние различия между низшим духовенством и прелатами стерлись. Кюре Ле Франсуа и епископ Перпиньяна утверждали, что отмена лишит церковь возможности помочь бедным - «классу несчастных». Епископ Лангра Ла Люзерн назвал десятину священной собственностью, которой не может обладать Нация, ибо имеет не материальную, а моральную сущность. Между тем оппоненты клира вносили в декрет принципиальные правки. Депутат де Вийе обратил внимание на разницу между церковными и светскими десятинами, которые были собственностью, передававшейся в семьях из поколения в поколение. Он просил упразднить первые, а вторые - инфеодизированные, «считающиеся поземельными рентами, сделать выкупаемыми» (7,р.382-383,385).

Тогда же о десятине с противоположных позиций высказались два политических тяжеловеса: граф Мирабо и аббат Сийес. Первый справедливо отметил, что собственник тот, кто распоряжается не только доходами, но и капиталом. Получатель десятины таковым не является, а сама она выступает как оплата за поддержание морали и развитие образования. Надо и дальше оплачивать данный полезный труд, но делать это «менее расточительным и более справедливым способом». Сийес, напротив, возмутился упразднением десятины без возмещения. Ведь она останется в руках того, кто должен ее платить - должника. Аббат не только продемонстрировал абсурдность ситуации, но и обвинил крупных землевладельцев, включая часть депутатов, в получении выгоды: «Вы рассчитываете увеличить с ее (десятины - С.Б.) помощью ваше личное состояние» (3.Т.1, с.380-381).

Действительно, для крупных земельных собственников это становилось значимым приращением доходов. Другие землевладельцы - миллионы крестьян - были обременены и сеньориальными тяготами, и государственными налогами, и церковной десятиной. При этом в развитых областях севера, в Парижском районе сеньориальные повинности отнимали у крестьян немного. Так, в Нормандии, в областях Брэ и Ко они составляли соответственно 3% чистого продукта (10,р.357) и менее 2% урожая (брутто) (12,р.52), тогда как десятина обходилась селянам в 7-8% их доходов. Это значило немало, и отмена десятины могла удержать многие деревни от присоединения к восставшим провинциям.

На следующий день характер прений изменился, он диктовался светскими лицами. Гупиль де Префельн представил дело так, будто депутаты от клира, как и их оппоненты, желали отмены десятины, но посредством выкупа, оказавшегося, увы, дороже ее самой. Суровый Рикар все же обвинил деятелей духовенства в лицемерии: они с горячностью осуждали сеньориальные права, а от себя ограничились предложением выкупа десятины, обременительным для Нации, но способным принести им рост благосостояния. В ходе речи оратор получил документы от священнослужителей уже с безвозмездным отказом от данного источника их доходов. Появилась и декларация, подписанная прелатами и кюре о передаче десятины в руки Нации. Затем от имени церкви выступил архиепископ Парижский, поддержанный кардиналом Ларошфуко. Атмосфера в зале, казалось, напоминала ту, что была в Ассамблее в «ночь чудес» Но заседание

по поводу десятины носило не искренний, а постановочный характер. Представители духовенства осознали тщетность сопротивления левому большинству Соборания и опасались окончательно уронить себя в глазах общестственности.

Поправленный текст декрета приняли в тот же день - 11 августа. Депутатскому корпусу удалось справиться с непосредственной и срочной задачей: не дать хаосу восторжествовать. Упразднение мэнморта и личных повинностей помешали подпитке «жаке-рии» в самом ее эпицентре - в восточной Франции. Отмена церковной десятины переломила настроения крестьян и не позволила волнениям перекинуться на другие регионы страны. Несмотря на размах движения, оно распалось на множество отрядов, преследовавших узкую цель - «разобраться» с собственным сеньором: сжечь описи повинностей или заставить господина отречься от своих прав. После этого выступление нередко «выдыхалось». Но «рейды» больших соединений восставших приносили немалый вред. Против них жестко сработали муниципалитеты и руководимые ими национальные гвардейцы. В тесном контакте со старыми королевскими учреждениями - прево-тальной юстицией и жандарме-

рией, прибегая, порой, к помощи регулярных войск, они наносили бунтарям серьезный военный урон, а захваченных подвергали суровым наказаниям: смертной казни через повешение, отправке на галеры и в тюрьму (1,с.122;14,р.105).

Каково же значение декрета 11 августа в длительной перспективе? Историки иногда иронизируют над предложением, открывавшим текст знаменитого закона: «Национальное собрание полностью уничтожает феодальный порядок» (7,р.397), напоминая, что сеньория тогда уцелела. Но под нее осуществили подкоп, а указанная выше формула стимулировала перемены, приведшие за 4 года к обрушению сеньориального режима. Вторым результатом декрета стала стремительно последовавшая за безвозмездной отменой секуляризация имуществ первого сословия, разрушившая материальное богатство и социальное могущество церкви. Третьим сдвигом сделалось упразднение сословной системы и установление гражданского равенства. Отсюда - торжество в будущем либерально- демократического строя во Франции, оказавшегося также примером для многих государств. И, наконец, закон способствовал ускоренному сплочению французской нации.

Список литературы

1. Адо А. В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987.
2. Блуменау С. Ф. Правовые отношения вокруг сеньории во Франции Старого порядка // Право: история, теория, практика. Выпуск 3. Брянск, 1999.
3. Документы истории Великой французской революции. Т. 1-2. М., 1990-1992.
4. Саньяк Ф. Гражданское законодательство Французской революции: 1789-1804. М., 1928.
5. Тырсенко А. В. Эмманюэль Жозеф Сийес и французская либеральная мысль его времени. М., 2005.
6. Шампюан Э. Франция накануне революции по наказам 1789г. СПб., 1906.

7. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. VIII. P., 1875.
8. Diesbach Ch. de Necker ou la faillite de la vertu. P., 1987.
9. Furet F. Nuit du 4 août // Dictionnaire critique de la Révolution française. P., 1988.
10. Goujard Ph. L'abolition de la féodalité dans le district de Neufchâtel (Seine-Inférieure) // Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française. P., 1977.
11. Lefebvre G. La Grande Peur de 1789. P., 1932.
12. Lemarchand G. La Fin du féodalisme dans le pays de Caux. P., 1989.
13. Leuwens H. Robespierre. P., 2014.
14. Méthivier H. La fin de l'Ancien Régime. P., 1986.
15. Robespierre M. Oeuvres. T.6. P., 1950.
16. Tackett T. La Grande Peur et le complot aristocratique sous la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française, 2004, N.1(335).
17. Tackett T. Par la volonté du peuple: Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997.
18. Thouret J.- G. Avis de bons normands à leurs frères tous les bons français de toutes les provinces et de tous les Ordres. P., 1789.

CHALLENGES OF THE FIRST REVOLUTIONARY JACQUERIE IN FRANCE AND RESPONSES OF THE NATIONAL ASSEMBLY

Storming of the Bastille on July 14, 1789 caused many uprisings and revolts throughout France, the largest of which was the first peasant "Jacquerie" of the revolutionary period. The war with the rural France whose inhabitants made up two-thirds of the population of the whole country, was hopeless for the revolutionary authorities. The "Jacquerie" itself and the accompanying non-payment of seigneurial censuses and taxes, Church tithes and state taxes could lead to the economic collapse. Facing a problem of such complexity, the Assembly was able to find a way out. They ventured to undertake reforms that abolished some of the seigneurial rights and Church tithes. At the same time, the revolutionaries abolished the estate system and ensured civil equality. In a long historical perspective, this was an impressive start to the formation of a liberal democracy in France.

Keywords: Constituent Assembly, peasant revolt, seigneurial regime, Church tithes, estate system.

References

1. Ado A. V. Krest'yane i Velikaya francuzskaya revolyuciya. M., 1987.
2. Blumenau S. F. Pravovye otnosheniya vokrug sen'orii vo Francii Starogo por-yadka // Pravo: istoriya, teoriya, praktika. Vypusk 3. Bryansk, 1999.
3. Dokumenty istorii Velikoj francuzskoj revolyucii. T. 1-2. M., 1990- 1992.
4. San'yak F. Grazhdanskoe zakonodatel'stvo Francuzskoj revolyucii: 1789- 1804. M., 1928.
5. Tyrsenko A. V. Emmanuel' ZHozef Sijes i francuzskaya liberal'naya mysl' ego vremeni. M., 2005.
6. Shamp'on E. Franciya nakanune revolyucii po nakazam 1789g. SPb., 1906.
7. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T. VIII. P., 1875.
8. Diesbach Ch. de Necker ou la faillite de la vertu. P., 1987.
9. Furet F. Nuit du 4 août // Dictionnaire critique de la Révolution française. P., 1988.

10. Goujard Ph. L'abolition de la féodalité dans le district de Neufchâtel (Seine-Inférieure) // Contributions à l'histoire paysanne de la révolution française. P., 1977.
11. Lefebvre G. La Grande Peur de 1789. P., 1932.
12. Lemarchand G. La Fin du féodalisme dans le pays de Caux. P., 1989.
13. Leuwers H. Robespierre. P., 2014.
14. Méthivier H. La fin de l'Ancien Régime. P., 1986.
15. Robespierre M. Oeuvres. T.6. P., 1950.
16. Tackett T. La Grande Peur et le complot aristocratique sous la Révolution française // Annales historiques de la Révolution française, 2004, N.1(335).
17. Tackett T. Par la volonté du peuple: Comment les députés de 1789 sont devenus révolutionnaires. P., 1997.
18. Thouret J.- G. Avis de bons normands à leurs frères tous les bons françois de toutes les provinces et de tous les Ordres. P., 1789.

Об авторе

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University (Russia), E-mail: blumenausf@mail.ru